

Волонтерство.

I.

Какъ разсматривать волонтерство: какъ извѣстное политическое выступленіе или какъ простую сумму индивидуальныхъ рѣшеній? Пусть самъ читатель дастъ отвѣтъ.

Если я не ошибаюсь, это было 11-го или 12-го августа прошлаго года. Въ небольшой залѣ библіотеки на rue Cordillière группа человѣкъ въ 25—30 эмигрантовъ горячо обсуждала свою линію поведенія. Споры велись вокругъ одного основного вопроса: надо ли рѣшенію присутствующихъ вступить въ ряды французской арміи придать характеръ политическаго выступленія выработкой особой деклараціи, или ограничиться сформированіемъ, такъ сказать, военной технической организаціи, въ которую могли бы вступать для полученія военной подготовки русскіе подданные, рѣшившіе стать волонтерами, рекомендуемые двумя членами группы, или видными политическими дѣятелями, или политическими организаціями и принятые единогласно? Произносились горячія рѣчи. Сторонники перваго теченія доказывали, что шагъ нашъ есть опредѣленное политическое явленіе, нуждающееся при имѣющемъ по отношенію къ волонтерству враждебномъ взглядѣ въ извѣстномъ обоснованіи, что такое обоснованіе въ свою очередь дастъ

толчокъ къ волонтерству людямъ колеблющимся, людямъ, чувствующимъ необходимость выступать, но запуганнымъ догмой, что оно въ будущемъ очиститъ насъ отъ всякихъ нареканій, будучи точнымъ выраженіемъ причинъ, толкнувшихъ насъ на такой отвѣтственный шагъ. Приверженцы второго теченія настаивали на приданіи нашей группѣ характера строго и только военнотехнической организациі. Они не хотѣли ангажировать свои партіи, свои группы въ индивидуальномъ ими принятомъ дѣйствіи, они говорили о томъ, что «мы въ этомъ грандіозномъ конфликтѣ — только человѣческая пыль» и что трудно написать декларацію, выражающую настроеніе всѣхъ участниковъ. Ихъ было ничтожное меньшинство, и собраніе поручило выработать декларацію пяти представителямъ всѣхъ партій. Такимъ образомъ, оно само разсматривало свой шагъ какъ извѣстное политическое выступленіе.

Но несомнѣнно, что написать такую декларацію было гораздо труднѣе, чѣмъ вотировать ея необходимость. Война явилась неожиданнымъ ударомъ для нашего міросозерцанія, опрокидывающимъ всѣ привычныя представленія: будущее и настоящее были настолько туманны, причины, вызвавшія войну, — настолько сложны и дипломатическая секретная игра — настолько неясна, что никакія утвержденія и чаянія не могли казаться достаточно обоснованными. Одно было несомнѣнно: Германія раздавила маленькую Бельгію и вторглась во Францію. Въ ней не возникло ни революціи, ни протеста противъ разбойничьего похода арміи. Если даже съ ея стороны это была война «предупреждающая», то все равно преступленіе было велико, ибо неизвѣстно, какія измѣненія могли произойти въ структурѣ Европы въ ближайшемъ будущемъ и пришлось ли бы Германіи вообще быть въ положеніи обороняющейся. А пока что, Германія огнемъ и мечомъ проходила ни въ чемъ неповин-

ныя провинціи. Наша обязанность—защитить ихъ, раздѣлить съ народомъ, подвергшимся нападенію, всю тяжесть кроваваго удара. Мы видѣли вокругъ насъ единоплеменные Францію и Бельгію, отъ первыхъ министровъ и до послѣдняго анархиста взявшихся за оружіе во имя *самообороны*...

Вотъ, несомнѣнно, общее всѣмъ чувство. Но нѣкоторые хотѣли въ деклараціи изъяснить и другія причины, и другія чаянія, которыя по тому времени не всѣмъ казались обоснованными. Сами собой обстоятельства сложились такъ, что работы комиссіи затянулись, насъ приняли въ армію, и по обязанностямъ военной службы коллективное выступленіе стало невозможнымъ. Только часть социаль-демократовъ успѣла выпустить свое частное обращеніе.

Но и безъ всякой деклараціи нашъ шагъ приобрѣлъ значеніе очень яркаго политическаго выступленія. Во-первыхъ, съ началомъ войны образовался «объединенный комитетъ политическихъ и общественныхъ организацій парижской эмиграціи». «Онъ состоялъ,—писалъ о немъ Слетовъ,—человѣкъ изъ 50-ти, по два, по три человѣка отъ организаціи. Изъ нихъ было выбрано бюро,—человѣкъ 13; изъ бюро ушли въ волонтеры: Поповъ (с.-д. большевикъ), Л...нъ (с.-д. меньшевикъ), Глатенюкъ (с.-д. отъ профессиональных союзовъ), Нестеровъ (депутатъ 2-й Гос. Думы, меньшев.), Слетовъ (с.-р.), К...въ (с.-р.), З...скій (с.-д. плехановецъ); остались два бундиста (хотѣли было записаться, но не смогли по семейнымъ причинамъ), одинъ меньшевикъ А...въ, секретарь бюро, одна дама и еще двое: кто,—не помню»...

Такимъ образомъ, большинство бюро, вѣдавшего дѣла парижской эмиграціи, ея верховнаго исполнительнаго комитета, не только было за участіе въ войнѣ, но и поступило въ армію. Трое,—Поповъ, Глатенюкъ и Слетовъ,—уже убиты. Кромѣ того, много волонтеровъ далъ

и общій комитетъ изъ 50-ти человѣкъ. Комитетъ народнической группы, состоявшій изъ четырехъ человѣкъ, далъ троихъ изъ нихъ волонтерству. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ остальныхъ группахъ.

Съ момента сформированія ядра волонтерскаго отряда къ нему быстро стали притекать новые члены. Несмотря на трудность пріема, отрядъ за нѣсколько дней возросъ до цифры 120—130 человѣкъ, исключительно эмигрантовъ, среди которыхъ были очень видные дѣятели. Одновременно многіе записывались самостоятельно въ волонтеры, особенно въ другихъ городахъ. Многіе просто не знали о сформированіи отряда. Вскорѣ послѣ нашего зачисленія въ Парижѣ возникла вторая группа волонтеровъ, организованная непринятыми по нездоровью въ первый разъ Б. Вороновымъ, Нестеровымъ и К...вымъ. Точнаго ея числа не знаю. Во всякомъ случаѣ чисто-политическихъ эмигрантовъ, поступившихъ во французскую армію, надо считать не менѣе 1.000 человѣкъ, а ежели къ нимъ прибавить и тѣхъ изъ нихъ, что пошли съ чисто-національными польскими и еврейскими отрядами, эту цифру надо, по крайней мѣрѣ, удвоить, если не утроить.

II.

Такъ или иначе, мы ушли на войну, не навязывая никому своего рѣшенія, и почти сразу же попали въ боевую обстановку, которая быстро заставила позабыть насъ, что въ тылу есть инако думающіе и что можетъ возникнуть самая *настоящая, не-терпящая отлагательства*, необходимость обоснованія нашего шага во избѣжаніе превратныхъ толкованій. Между тѣмъ оставшіеся въ тылу инако думающіе предприняли противъ волонтеровъ и волонтерства настоящій походъ. Воз-

ники органы «пораженческаго»,—какъ ихъ опредѣлили Алексинскій, —направленія, въ которыхъ начали появляться странныя статьи, объясняющія нашъ шагъ «истеріей», «измѣной завѣтамъ интернаціонализма», и т. п. На русское прогрессивное общество и демократію въ нихъ ввозились навѣты въ родѣ «шовинизма», очерносотененія и пр., и пр. Отвѣтъ надо было дать, и отвѣтъ немедленный.

И вотъ появляются народническій органъ «За рубежомъ» и народническая же газета «Новости», первомайскій номеръ которой былъ украшенъ письмомъ Анатоля Франса. Въ числѣ ея редакторовъ и сотрудниковъ мы встрѣчаемъ фамиліи такихъ извѣстныхъ вождей народничества, какъ А. Бахъ, А. Аргуновъ, Е. Лазаревъ и Ст. Ник. Слетовъ; кромѣ того, тамъ участвуютъ Н. Авксентьевъ, Абрамовичъ, Александровъ, Мадридовъ, Борисовъ, Бунаковъ, Б. Вороновъ, Сталинскій, Колосовъ, Моисеенко, Савинковъ, Калистовъ, Вариновъ, Шестаковский. Газета быстро становится центромъ волонтерства. Въ нее шлются съ передовыхъ позицій статьи и письма. Кое-какія изъ нихъ были цитированы въ русской пресѣ Сталинскимъ («Ежем. Журн. Лит.»), Колосовымъ («Русск. Вѣд.»), Аргуновымъ и пр. Но общая сводка, анализъ и синтезъ этихъ писемъ и статей, обрисовывающихъ психологію волонтерства политической эмиграціи, ждетъ еще человѣка, который посвятитъ бы этому свой талантъ и трудъ. Это—драгоценный матеріалъ для сужденія объ исканіяхъ русской свободной мысли и ея отвѣтъ на поставленную проклятой войной проблему. Въ новомъ органѣ содержатся зачатки того единенія, которое уже создалось на полѣ битвы. Въ число сотрудниковъ народнической газеты вступаетъ Алексинскій, а за нимъ—еще нѣсколько социаль-демократовъ.

«Новости» прекратили на 60-мъ номерѣ свое существованіе, произведя большую работу. То, что вначалѣ

казалось гадательнымъ, скрытымъ въ туманѣ прошлаго и будущаго, въ этотъ моментъ вырисовалось съ необычайной четкостью. Образъ Австро-Германіи, шествующей черезъ трупы раздавленныхъ Бельгіи и сѣверныхъ французскихъ провинцій ко всемірному владычеству, уже ни въ комъ не вызывалъ сомнѣнія. Вырѣзываемая турками армянская нація, разстрѣлы въ Чехіи, приготовления къ новому погрому Сербіи, способы веденія нѣмцами войны подтверждали всѣ тѣ доводы въ пользу волонтерства, которые въ первые дни неясно нами чувствовались, но которые заслонялись первымъ и доминирующимъ фактомъ нападенія Германіи. И газета не столько вниманія посвятила доказательству правильности волонтерскаго поведенія, сколько разсѣянію клеветническихъ навѣтовъ на русскую демократію и выясненію истинныхъ мотивовъ волонтерства. Но въ обоснованіе волонтерства она дала много цѣннаго, въ томъ числѣ нѣсколько шедевровъ,—статей покойнаго Степана Николаевича Слетова,—статей, о которыхъ волонтеры съ фронта писали, что «это—чудныя, свѣтыя статьи», и которыя останутся лучшимъ литературнымъ памятникомъ волонтерства.

«Новости» вновь смѣняются «За рубежомъ». Одновременно возникаетъ марксистскій сборникъ «Война» подъ редакціей Плеханова и Алексинскаго и «Россія и Свобода»—подъ редакціей Алексинскаго съ участіемъ крупныхъ народническихъ силъ. Наконецъ, происходитъ конференція народниковъ и марксистовъ въ Швейцаріи. Ея результатъ—«Призывъ» ко всѣмъ,—призывъ къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Германіи, призывъ, констатирующий, что дѣлу всеобщей свободы побѣда Германіи нанесетъ страшный ударъ. Резолюціи швейцарской конференціи отмѣчаются и сочувственно дебатированы французской прессой; въ то же время происходитъ подобное же объединеніе на почвѣ борь-

бы съ общимъ врагомъ и въ средѣ англійскихъ рабочихъ организацій. Всюду за границей возникаютъ группы «Призыва», состоящія изъ народниковъ и марксистовъ. Выходятъ первые нумера «Призыва» подъ редакціей Алексинскаго, Аргунова, Воронова, Плеханова, Бунакова, Любимова и съ участіемъ Дейча, Аксельрода, Баха и др. Къ нимъ присоединяются Оникпо, членъ второй Думы Бѣлоусовъ и пр., и пр. Словомъ, происходитъ небывалое въ исторіи русскаго общественнаго движенія послѣднихъ десятилѣтій объединеніе.

Оно началось съ волонтерства. Оно нарастало въ траншеяхъ. Оно скрѣплялось на поляхъ битвы подъ Каренси, въ Аргоннахъ, въ Шампани, гдѣ лилась наша кровь, гдѣ гибли наши товарищи. Оно расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ на дорогахъ могилкахъ, разбросанныхъ по всей Франціи...

И фронтъ шель въ ногу съ тыломъ. За день до смерти творилъ свои статьи Слетовъ. Подъ шрапнелями и пулями писали письма въ «Новости» волонтеры. И сколько ужъ нѣтъ изъ нихъ... Между «тыломъ» и нами была тѣсная связь, и «тылъ» нашъ, главнымъ, образомъ, состоялъ изъ тѣхъ, кто всѣмъ сердцемъ, всей душой былъ съ нами, но кому немощное тѣло не позволяло итти въ траншеи...

И сколько радости было, когда приходили коротенькія письма съ другого «тыла», изъ далекой Сибири, изъ «Бутырокъ» и пр.,—письма съ благословеніями и съ пожеланіями успѣха...

III.

Годъ слишкомъ прошелъ съ той поры, какъ мы переступили ворота «Инвалидовъ» и вошли въ ряды французской арміи. Половина насъ выбыла изъ строя.

«Сегодня исполнился ровно годъ,—писалъ мнѣ 23-го августа одинъ изъ бывшихъ соратниковъ по «легіону»,—

со дня ангажированія въ Парижѣ. День, когда я собственной рукой подписалъ договоръ съ французскимъ правительствомъ о принятіи меня добровольцемъ на все время войны. Не могу забыть той минуты, когда я собралъ всѣ свои силы и всѣ свои мысли и вошелъ въ домъ «Инвалидовъ». Быстро освидѣтельствовали, дали клочокъ бумаги, и вотъ я принятъ!.. Меня радовало, что я иду навстрѣчу моей идеѣ, но когда я сознавалъ, что я буду, хотя и временно, въ мундирѣ солдата и воинская дисциплина прикуетъ меня къ грубой формѣ ея, мнѣ невольно становилось печально. Но сегодня я знаю только одно: сегодня—годовщина того крупнаго шага, который я предпринялъ и надъ которымъ я немного призадумался. И я кричу: «Ура!», такъ какъ духомъ я не упалъ. Еще много силъ и энергій! Еще горитъ въ душѣ желаніе дойти до конца, до самаго реального конца!.. И сердце радуется, и чувствую много мужества... На самой верхушкѣ горы я одинъ изъ нашей группы справляю годовщину... Остальные ушли бросать гранаты. Не знаю, помнятъ ли они этотъ день и чтó у нихъ на душѣ: съ утра еще не видѣлись... День прекрасный, грѣетъ солнце, и небо совершенно безоблачно, только нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ остались отъ обстрѣла аэроплана»...

Такъ пишетъ изъ горячихъ, убійственныхъ Аргоннъ послѣ года траншей русскій рабочій, прошедшій ссылку и тюрьмы, эмигрантство и «легіонъ». Ничто не сломило въ немъ духа.

И за четыре дня до своей мгновенной смерти Степанъ Николаевичъ Слетовъ въ отвѣтъ на обращеніе Ек. Арборе къ волонтерамъ: «Намъ съ вами не по дорогѣ, ибо мы со старыми пѣснями, со старой вѣрой будемъ итти до конца, до самаго реального, фактическаго, не мелодраматическаго конца!» писалъ:

«Товарищъ, мы уже пошли туда. Мы уже тамъ, гдѣ

этотъ конецъ,—не вѣра, не обѣщаніе, но сама дѣйствительность. И то, что мы сдѣлали,—дѣйствительный выводъ изъ нашихъ словъ,—позволяетъ намъ требовать и отъ васъ вѣры въ искренность нашихъ высказываній.

«Я не буду говорить обо всемъ, что побудило насъ идти именно сюда, именно къ этому концу. Я хочу показать только, почему словосочетаніе «интернационализмъ» и «мелодекламація» звучитъ для насъ жестокой дѣйствительностью; почему наше негодованіе направлено противъ тѣхъ, кто способствовалъ зарожденію и развитію самаго явленія,—противъ тѣхъ, кто продолжаетъ дѣлать все, чтобы связь между этими словами росла и укрѣплялась.

«Мнѣ вспоминается теплый осенній вечеръ 1907 г., привѣтливыя окрестности чистенькаго Штуттгарта, обширный и уютный садъ-ресторанъ. Германская социал-демократія чествуетъ дорогого гостя, и гость этотъ—Второй Интернаціональ. Кельнерши въ бѣлыхъ платьяхъ (символь мира) и красныхъ фригійскихъ колпакахъ (символь революціи) разносятъ пиво и вино. Щедрой рукой угощаютъ хозяева. Гости пьютъ и ѣдятъ, поютъ и пляшутъ. Разноязычный радостный гулъ стоитъ надъ толпой. Всякъ веселится по-своему, но всѣ вмѣстѣ...

«Но вотъ взвилась ракета. Загорѣлся блестящій фейерверкъ. Не пожалѣли хозяева и пороха. Шипятъ ракеты. Сыплется огненный дождь. Грохочутъ бураки...

«Я стоялъ неподалеку отъ Бебеля. Онъ молча любовался зрѣлищемъ. Спокойнымъ удовлетвореніемъ дышало его строгое лицо. И меня, юнца русской революціи, подмывало подойти къ ветерану Второго Интернаціонала и сказать:

— : иные огни сверкали, иные громы гремѣли для насъ. . . . Здѣсь—фальшфейеръ,—фальши-

вый, потѣшный огонь; тамъ падали люди и рушились дома.

«Понятно, всплывшее на мигъ озорство сейчасъ же и затонуло среди иныхъ чувствъ. Но что-то осталось,—осталось и, какъ чадъ отъ фальшфейера, распространившийся по свѣжему саду, пропитало все впечатлѣніе отъ международного съѣзда.

«Бebelъ не любилъ мелодекламации. И на съѣздѣ боролся противъ нея. Онъ зналъ силу косности миллионной социаль-демократіи и не желая брать отъ нея имени невыполнимыхъ обязательствъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и высказывался противъ французскихъ предложеній. И не скрывалъ насмѣшки надъ безотвѣтственными глашатаями революціонной фразы. Въ концѣ-концовъ съѣздомъ была принята въ видѣ резолюціи краткая энциклопедія,—перечень средствъ, которыми при разныхъ обстоятельствахъ можно бороться противъ войны... вплоть до самого конца...

«И вотъ, когда намъ для разруба завязавшагося узла европейской войны преподносятъ чадъ штуттгартскаго фальшфейера, мы называемъ это старой мелодекламацией, всѣмъ надоѣвшей пѣсней. Для насъ разгромъ коммуны, усмиреніе не однозначны съ фальшфейеромъ Второго Интернаціонала.

«Есть огни и огни. Есть звуки и звуки. Горькимъ опытомъ научились мы различать двѣ школы музыки. И потому, когда загрохотали германскія пушки, когда рухнули Льежъ и Лувэнъ, когда штуттгартскіе хозяева не пожалѣли денегъ и на этотъ фейерверкъ, мы и пошли до самого что ни на есть реального конца.

«Но вы не понимаете, почему же зазвучала для насъ призывнымъ кличемъ новая и вмѣстѣ ветхая пѣсня «око за око». До потому же, товарищъ, почему прогремѣла вариация того же мотива «По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ». Музыкальное ухо дирижеровъ Вто-

рого Интернаціонала, правда, страдало отъ этой мелодіи. Она тоже казалась имъ устарѣлой. Но съ вами, товарищъ, мы не будемъ спорить.

«Васъ смущаетъ другое: какъ люди, боровшіеся подъ этимъ девизомъ противъ опредѣленнаго знамени, теперь являются его союзниками, иные даже идутъ въ бой подъ нимъ.

«Вы пробуете представить современную войну какъ дѣло постороннее участвующимъ въ ней массамъ; вы ссылаетесь на ихъ временное ослѣпленіе и вы требуете отъ насъ вѣры въ быструю эволюцію германскаго пролетаріата... Но, товарищъ, вѣдь дѣло шло и идетъ сейчасъ не о будущемъ, хотя бы о самомъ ближайшемъ, а о самомъ что ни на есть настоящемъ. Для васъ историческая формула заслонила все: война идетъ между германскимъ имперіализмомъ и французскимъ капитализмомъ; послѣдній спасается въ объятіяхъ задолжавшей ему реакціи.

«Да, съ высотъ исторической истины, это, можетъ быть, и такъ; но вѣдь въ дѣйствительности убиваютъ не держателей ренты, разрушаютъ не учрежденія государственнаго кредита,—убиваютъ сотни тысячъ трудового народа, разоряютъ цѣлыя страны... И вы хотите, чтобы мы вооруженной рукой не защищались вмѣстѣ съ тѣми, на кого по нашему крайнему разумѣнію напали; вы хотите остановить бойню вѣрой во Второй Интернаціональ... Но, товарищъ, слушный часъ насталъ и прошелъ. Германскій пролетаріатъ не успѣлъ продѣлать отмѣренной ему эволюціи, и Европа запылала.

«Вы правы, нѣтъ у насъ вѣры во Второй Интернаціональ и его резолюціи; и если ваша дорога до реального конца идетъ по штуттгартской подорожной, то дѣйствительно намъ не по пути.

«Итакъ, пути наши разошлись? Навсегда ли? Надолго ли?

«Спускаются сумерки. На позиціяхъ начинается вечернее оживленіе. Съ нѣмецкой линіи, шипя, взвивается ракета и загорается на темнѣющемъ небѣ ослѣпительной звѣздой. Вздывается выше и, застывъ на мгновеніе, начинаетъ медленно спускаться, вычерчивая спиральный слѣдъ, заливая металлическимъ свѣтомъ окопы, соединительные ходы, вереницы солдатъ, деревья, кустарники. Все застыло на мигъ, лишь черныя тѣни бѣгутъ по сторонамъ, выдавая притаившуюся жизнь. Красиво и жутко. Ибо за ракетой слѣдуетъ грохотъ выстрѣловъ, разрывъ снарядовъ, смерть и разрушеніе...

«И проходятъ предо мной Москва, осенній вечеръ въ Штуттгартѣ... Воспоминанія накладываются одно на другое, сливаются съ нынѣшней лѣтней ночью... И я чувствую всѣмъ существомъ тѣсную связь между всѣми этими картинами; чувствую, что одна обуславливаетъ собой другую, что участіе въ первыхъ двухъ привело тебя и къ послѣдней... Къ послѣдней ли?

«Для опредѣленной личности, быть можетъ, и да; но исторія продолжается, и кто знаетъ, товарищъ, при слѣдующей смѣнѣ картинъ не сойдемся ли «мы» съ «вами» снова на общемъ пути. Ибо и мы вѣримъ въ народъ, вѣримъ въ то, что изъ настоящей войны онъ выйдетъ во всеоружіи пережитаго историческаго опыта и отъ животной борьбы за существованіе перейдетъ къ борьбѣ за человѣческую будущность.

«Итакъ, до свиданія!»...

Черезъ четыре дня Слетова не стало. Онъ палъ, пронизанный пулями и осколками шрапнели. «Онъ умеръ свѣтлой смертью», писалъ другой волонтеръ, самъ успокоившійся неподалеку отъ Степана Николаевича съ сердцемъ, пробитымъ пулей.

И какой лучший вѣнокъ могъ быть возложенъ на ихъ могилу, чѣмъ безхитростное письмо ихъ начальника, французскаго офицера, лейтенанта N... Французъ не

зналъ адреса семей павшихъ товарищей, но онъ зналъ, что они—соціалисты, и отправилъ въ «Humanité» на имя Рубановича свое поминальное слово. Сегодня оно появилось въ газетахъ. Вотъ оно:

«Извините меня за свободу обращенія, но я не могу противиться желанію поставить васъ въ извѣстность относительно совершенно безкорыстнаго способа вашихъ соотечественниковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, проливать свою кровь за Францію.

«Подъ моей командой были Ноховичъ, Слетовъ, Померанцевъ.

«...Подъ моей командой до сихъ поръ Александровъ, Харитоновъ, Кочуновскій. Я видѣлъ, какъ умеръ Ноховичъ, убитый пулей въ лобъ. Это былъ очень хорошій солдатъ. Я видѣлъ смерть Слетова, убитаго въ траншеѣ въ двухъ метрахъ отъ меня. Это былъ прекрасный человѣкъ, и его потеря велика, потому что онъ былъ человѣкъ будущаго и человѣкъ большого сердца. Сегодня съ печалью я вижу смерть Померанцева, храбрѣйшаго между всѣми и даже слишкомъ храбраго. Я считалъ друзьями этихъ отличныхъ людей, которые къ тому же имѣли чувство долга. Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы ихъ могилы не остались неизвѣстными, и, не зная ихъ семей, я буду вамъ безконечно благодаренъ за выполненіе передъ ними обязанности, которую выполнить мнѣ мѣшаютъ обстоятельства. Вы можете имъ сказать, что сыны ихъ умерли съ честью и храбрецами, и мое наиболѣе завѣтное желаніе—видѣть всѣхъ французскихъ солдатъ служащими ихъ отечеству по примѣру этихъ трехъ героев»...

Что можно прибавить къ этимъ строкамъ? Только то, что и въ другихъ полкахъ такъ же твердо, честно и доблестно русскіе изгнанники выполняютъ взятое ими на себя дѣло. Геройской смертью умираетъ въ атакѣ Глатенюкъ, геройски увлекаютъ за собой въ атаку всю

секцію трое русскихъ,—Найдманъ, Лаксъ и Поляковъ,— блестяще ведетъ себя и падаетъ раненымъ капитанъ Осбергъ и т. д., и т. д. безъ конца. Ихъ цитируютъ въ приказахъ, украшаютъ орденами, производятъ... Но съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ и рѣдѣютъ ряды... И новыя смерти принесла Шампань... Мы идемъ до рокового, до самаго «реального конца»,—идемъ за то же самое дѣло, которому отдали всю свою жизнь, и вѣримъ и уже видимъ великую пользу нашего шага...

Волонтеръ.

Занятія съ волонтерами въ кинематографъ на rue Tolbiac были уже въ полномъ разгарѣ. Съ каждымъ днемъ къ первоначальному кружку присоединялись новые товарищи. На правомъ флангѣ появилась могучая фигура члена первой Думы Онипко, на лѣвомъ — шустрый, невысокаго роста депутатъ второй Думы — Нестеровъ, и еще лѣвѣе — фигура уже совсѣмъ небольшого человѣка анархистской наружности. Въ концѣ-концовъ помѣщеніе сдѣлалось окончательно тѣснымъ, но волонтеры въ нестерпимой духотѣ и пыли съ усердіемъ продолжали воинскія упражненія. Раздавалась громкая команда Крикуна, показывавшаго «отсталымъ» повороты, ожесточенно дѣлалъ «выпады» Поповъ-Бритманъ... Словомъ, военная наука преуспѣвала.

Теплымъ августовскимъ вечеромъ мы шли со Степаномъ Николаевичемъ по «Буль-Мишу». Загорались огни магазиновъ, громыхали экипажи, звенѣлъ трамвай, и густымъ потокомъ лилась людская толпа.

— Ну, какъ ваши занятія съ волонтерами? — спросилъ Слетовъ.

Я восторженно сталъ рассказывать ему объ ихъ успѣхахъ. Онъ помолчалъ.

— Скажите, пожалуйста, — снова заговорилъ Степанъ Николаевичъ, — что толкнуло васъ на добровольчество?

О, на этотъ вопросъ у меня былъ длинный отвѣтъ. Но онъ при каждомъ резонѣ молча покачивалъ головой,—не то отрицательно, не то утвердительно,—и только тогда, когда я сталъ говорить о необходимости итти вмѣстѣ съ народомъ, поднявшимся по его, по народному мнѣнію, за правое дѣло, каковымъ оно въ то же время представляется и мнѣ, Слетовъ оживился.

— Это самое главное, народъ созналъ, за что онъ борется, народъ защищается—худо ли, хорошо ли—въ сознаніи своей правоты, и народникъ не можетъ не быть вмѣстѣ съ нимъ.

Меня поразило его замѣчаніе, такъ какъ поведеніе Степана Николаевича до сихъ поръ позволяло предполагать въ немъ челоуѣка, видѣвшаго въ данной войнѣ дѣло совершенно чуждое нашей русской политической группѣ. Я высказалъ ему свое удивленіе. Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, это не такъ. Я не вырѣшилъ еще для себя нѣсколько пунктовъ, впрочемъ, болѣе личнаго характера, но я далеко не враждебенъ волонтерству.

.... Прошло два дня. Неожиданно вечеромъ зашелъ ко мнѣ Степанъ Николаевичъ.

— Вы не удивитесь,—сказалъ онъ,—если я приду на ваши занятія на rue Tolbiac?

— Богъ мой, конечно я удивился и очень радостно.

— Только, пожалуйста, пока что, не говорите никому о моемъ рѣшеніи, и потомъ я хотѣлъ бы присутствовать на ученіи въ роли «вольнослушателя», не записываясь въ группу.

— Это почему же?

— А уже такъ.

Словомъ, черезъ нѣсколько дней, къ общему восторгу, Степанъ Николаевичъ устроился на самомъ лѣвомъ флангѣ и, глотая пыль, началъ отбивать повороты, становиться въ позицію «съ колѣна», «лежа» и проч.... Его

сутуловатая, невысокая фигура, очки на характерномъ, болѣзненномъ лицѣ и немного хмурое, серьезное и вѣчно критикующее выраженіе пронизательныхъ, добрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническихъ глазъ выделялись на фонѣ этого единственного въ своемъ родѣ военного строя штатскихъ людей,—строю, въ которомъ за каждымъ изъ добровольцевъ было волнующее прошлое и, можетъ быть, еще болѣе богатое будущее...

Приближался день записи въ «Инвалидахъ». Степанъ Николаевичъ, какъ и многіе другіе, сталъ волноваться: боялся, что забракують изъ-за глазъ и вообще здоровья. Нашъ отрядъ былъ свидѣтельствованъ отдѣльно и очень снисходительно. Но все же челоуѣкъ 30—40 остались незабранными. Надо было видѣть ихъ горе, ихъ старанія какъ-нибудь все же попасть въ армію. И нѣкоторымъ удалось—таки проскользнуть позднѣе сквозь еще болѣе милостивое освидѣтельствованіе. Что касается Степана Николаевича, то онъ былъ признанъ «бон».

На другой день насъ отправили въ Орлеанъ, въ camp Cercottes, и началась военная жизнь.

Что сказать о первомъ ея періодѣ? Мы жили отдѣльной отъ остального лагеря «республиканской группой», готовились къ боямъ, настроеніе было торжественное, приподнятое. Съ внѣшней стороны дѣло шло недурно. Вотъ какъ его опредѣлялъ самъ Степанъ Николаевичъ въ письмахъ къ друзьямъ:

«Мы живемъ сносно, слегка страдаемъ животами, но въ общемъ живемъ на дачномъ положеніи. Кормятъ весьма удовлетворительно, учимся всѣ вмѣстѣ, выдѣленные въ одно отдѣленіе. Начальство въ высшей степени вѣжливо и безъ всякой ненужной муштровки. Внутри, за исключеньемъ пары—другой недисциплинированныхъ господъ, отношенія сносныя. Развился палаточ-

ный патріотизмъ (кстати, всѣ говорятъ не палатка, а «камера».)»

Указанія Степана Николаевича на сносныя отношенія внутри группы заслуживаютъ особаго вниманія. Война застала русскую колонію въ моментъ междофракціонной борьбы. Нашъ маленькій отрядъ представлялъ изъ себя вавилонское столпотвореніе враждовавшихъ доселѣ политическихъ группъ. Надо отдать должное: всѣ эти дѣленія были совершенно позабыты, и волонтеры представляли дружную, однородную массу. Степанъ Николаевичъ, какъ и всегда, оставался въ тѣни: онъ твердо усвоилъ себѣ скромную роль рядового и намѣренно не стремился быть центромъ какого бы то ни было вліянія. Но его палатка, о которой онъ позднѣе всегда вспоминалъ съ любовью, конечно, группировалась вокругъ него. Необычайно характеренъ былъ слѣдующій его поступокъ. Сержантъ, которому поручили нашу группу, передовѣрилъ ее намъ, — мнѣ и товарищу О... Мы, въ свою очередь, должны были назначить старшихъ по палаткамъ. Степанъ Николаевичъ не безъ основанія предполагалъ, что въ его палаткѣ нашъ выборъ можетъ пасть на него. И вотъ онъ обращается ко мнѣ съ просьбой назначить не его, а товарища другого политическаго толка, — человѣка моложе годами, дѣятельнаго, чтобы даже и тѣни сомнѣнія не могло возникнуть о какихъ-либо преимуществахъ по отношенію къ нему, Слетову. Мы такъ и сдѣлали.

Первые дни нашего пребыванія въ Cercottes дѣло шло очень хорошо. Начальства, въ сущности, никакого не было, занимались мы сами, налегкѣ, безъ ранцевъ, по вечерамъ собирались на передней линейкѣ и заводили русскія пѣсни. Степанъ Николаевичъ наслаждался. Онъ рассказывалъ, какъ ему бесконечно надоѣли пыльные улицы Парижа, скучныя, безтолковыя собранія, сѣрая, унылая и почти бесполезная жизнь эмигранта.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день, вѣрнѣе вечеръ, пришелъ африканскій легіонъ,

они прониклись началами коммунизма, царившаго въ палаткѣ, и, принося откуда-то всякое съѣстное, дѣлились имъ съ новыми товарищами. Въ добрыхъ отношеніяхъ немалую роль игралъ Степанъ Николаевичъ.

Вообще однимъ изъ наиболѣе крѣпко укоренившихся въ немъ правилъ поведенія по отношенію къ человѣчеству было недовѣріе къ чистотѣ людской натурѣ за небольшими исключеніями, во-первыхъ, а во-вторыхъ, необычайно внимательное, гуманное и ровное, я сказалъ бы—дружеское, отношеніе къ тѣмъ, кого по обычной терминологіи принято считать «падшими», «погибшими», «отбросами» и т. д. Мысль *презирать кого бы то ни было* была безконечно чужда ему и, не вѣря въ совершенство человѣка вообще, онъ не вѣрилъ и въ его окончательное паденіе. Самой любимой темой его разговоровъ по этому поводу были воспоминанія о томъ, какъ ему удавалось, и очень часто, найти хорошихъ по существу, по «внутренности» людей тамъ, гдѣ снаружи былъ сплошной адъ. Съ такими же воззрѣніями онъ подошелъ къ легіону, и можно только по-

жалѣть, что его воззрѣнія не были достояніемъ остального волонтерства.

Вскорѣ начались маневры въ полной амуниціи. Слабому Слетову они были не подѣ силу, но онъ крѣпился и переносилъ ихъ стоически.

«Есть и легіонеры,—писалъ онъ.—Съ ними ладимъ. И природа кругомъ хорошая. Стоишь ночью или на зарѣ въ караулѣ: дождикъ хлещетъ, а то звѣзды сіяютъ, заря загорается, и сердце смягчается, и хамство людское уходитъ на задній планъ... Ранецъ и патроны даютъ себя знать; въ концѣ часового марша спина и шея ноютъ ой-ой-ой. Но, въ общемъ, изъ меня средній солдатъ вырабатывается; пользуюсь болѣе или менѣе почтеніемъ; французы меня называютъ *petit père* или *mon vieux*. Словомъ, если не слягу въ тифу или дизентеріи, попаду подѣ пули и самъ сумѣю *faire feu à répétition* (стрѣляю тоже средне)».

Надо отмѣтить, что для Степана Николаевича было не совсѣмъ безразлично, какой изъ него вырабатается солдатъ. По первоначалу ему казалось, что военная премудрость, требующая отъ солдата гибкости, силы, зрѣнія, не по нему. Но мало-по-малу онъ сталъ убѣждаться, что при всѣхъ своихъ физическихъ недостаткахъ, онъ все-же не только не хуже другихъ, а совсѣмъ наоборотъ, и началъ серьезно заниматься военнымъ дѣломъ; но вначалѣ его фигура, пассивно покорная и нескладная, являла видъ довольно комичный, особенно во время штыкового фехтованія. Никогда не забуду, какъ на мой вопросъ объ его успѣхахъ, легіонный «*sous-off*» отвѣтилъ:

— «Oh, c'est un bon type, mais peu intelligent. Tête dure». («О, это—добрый малый, но не смысленъ. Тупая голова».)

Еще бы, когда Степанъ Николаевичъ совалъ штыкомъ куда попало!... Но все это было въ началѣ.

«Мы совершенно сжились съ лагерной жизнью; гоняют насъ по лѣсамъ и лугамъ здорово, почти въ полной амуниціи, въ ранцахъ... Разсыпаемся стрѣлковымъ строемъ, ложимся въ грязь, куда попало... выдерживаемъ со здоровой усталостью, хотя очень maladroits, но усердія прилагаемъ много. Стрѣляемъ много въ tir'ф и pas trop mal; даже я изъ 8 пуль попадаю 3... И, друзья, какъ безконечно далеко Парижъ и вообще все на свѣтѣ; даже газеты не интересуютъ... Словомъ, все было бы хорошо, если бы не маленькіе недостатки механизма. Насъ размѣстили съ пріѣхавшими изъ Африки легіонерами, но они совершенно растворились въ нашей средѣ. На маршахъ (километровъ 20) пѣли наши русскія пѣсни, и хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но меня прямо чуть не до слезъ трогаетъ, когда, проходя по французской деревнѣ въ полной французской амуниціи, зажаривали русскія пѣсни на удивленіе офицерамъ, а вечеромъ на линейкѣ русскій хоръ и плясъ, и очень не дурно.

«... скоро, скоро насъ двинуть куда-то. Какъ будто вѣкъ жилъ въ лагеряхъ; очень доволенъ, что насъ не оставили въ Парижѣ, и не завидую второму призыву».

Въ этомъ письмѣ Степанъ Николаевичъ совершенно вѣрно передалъ наше общее равнодушіе той поры къ окружающему. Шла битва на Марнѣ, мимо Серкотъ неслись автомобили бѣгущихъ изъ Парижа; но насъ все это задѣвало мало. Мы готовились къ тому большому, что называется первой битвой, первой встрѣчей со смертью. По бодрому тону письма трудно предположить о громадной усталости автора отъ военной службы въ очень тяжелой для непривычнаго человѣка (да еще полубольного) обстановкѣ Серкотъ.

Но вотъ насъ двинули въ camp de Mailly. И тамъ

началась настоящая служба. И Степанъ Николаевичъ, описывая подробно порядокъ дня, пишетъ:

«Въ 9¹/₂ ч. тушеніе огня. Спать, спать, спать... Общее желаніе. Если не особенно устали,—русское пѣніе. Больныхъ не такъ много, и не серьезныхъ,—больше натираютъ ноги. Я въ первый день еще въ Серкотъ,—натеръ своими собственными сапогами,—

Не пропускаю ни ученья, ни маршей. Бравого солдата изъ меня не выйдетъ, это фактъ, но и въ числѣ отсталыхъ и уклоняющихся не буду. Большинство инструкторовъ на меня махнуло рукой, видя, что я приемы дѣлаю по-своему; нѣкоторые по наивности пробуютъ учить. Я съ самымъ серьезнымъ видомъ *fais mon mieuх*... въ концѣ-концовъ, принимая во вниманіе мой почтенный возрастъ, оставляютъ меня въ покоѣ. Иногда назовутъ *le vieux, petit père*, а иногда и *tête dure*. Я не обижаюсь. Если же особенно пристають, я, вдругъ обозлѣвъ, дѣлаю страшные глаза и перестаю дѣлать что бы то ни было. Тогда, пока что, пугаются и оставляютъ въ покоѣ.

«... Когда-нибудь напишу воспоминанія марша, когда весь деревенѣешь, кромѣ 7-го шейнаго позвонка и плеча, и стараешься ни о чемъ не думать,—не думать даже о томъ, скоро ли «*pause*» (приваль); доходишь до «*pause*», скидываешь ранецъ и валишься, какъ попало и куда попало, а черезъ 2—3 минуты уже отходишь, чувствуешь боль вездѣ, но плечи и шея освобождаются, а черезъ 5 минутъ уже снова идешь и идешь... Бѣда, когда начальство увлечется какой-либо задачей на построеніе и вашъ взводъ попадаетъ, напр., во *flanc-garde* и вы идете безъ передышки часа два. Плохо тогда. Красные круги въ глазахъ. Весь мокрый и холодный! Скверно все-таки спать въ мокрой одеждѣ...

Мы, повторяю, въ нѣсколько привилегированномъ положеніи. Я приписываю это главнымъ образомъ Л—ву, который сумѣлъ внушить начальству, что мы представляемъ нѣчто компактное и притомъ порядочное...

«... Нашъ лагерь все-таки напоминаетъ лагерь Валленштейна, а не лагерь Кромвеля, не лагерь первой республики».

Лично онъ дѣйствовалъ на легионеровъ настолько благотворно, что съ нимъ почти не случалось столкновений.

Изъ camp de Mailly насъ двинули на линію огня. Шли мы пѣшкомъ, и переходы были очень трудные. Степанъ Николаевичъ, больной по обыкновенію желудкомъ,—послѣдствія остраго катарра,—шелъ въ ряду другихъ, упорно отказываясь обратиться за облегченіемъ къ докторамъ.

«До сихъ поръ не числился,—пишетъ онъ,—ни въ больныхъ, ни въ отсталыхъ... Несмотря на все (рѣчь идетъ о лишеніяхъ), до сихъ поръ не каюсь въ своемъ поступленіи на службу: считаю не лишнимъ повторить, что именно всѣ эти неудобства и лишенія, которыя дѣ-

лишь со всѣмъ народомъ, и чувство, что ты «на дѣйствительной службѣ», что ты входишь въ счетъ, даютъ большое удовлетвореніе моей народнической совѣсти, хотя самолюбіе и страдаетъ, что можешь уничтожиться благодаря безтолочи какого-нибудь передаточнаго ремешка военного механизма»...

Бомбардировка и пули не вызываютъ въ немъ обыкновеннаго для новичка чувства жуткости и неловкости. «Занятно, какъ летитъ съ шипѣньемъ шрапнельный снарядъ: слышишь шипъ и стараешься опредѣлить направление... Пока что, эти свисты, громы, шипы на мои нервы не дѣйствуютъ».

«О себѣ напишу: живу сознаниемъ, что составляю частицу той живой стѣны, которая не пускаетъ нѣмцевъ дальше. Пусть кругомъ царитъ безтолочь, безпорядокъ, но все-таки я на своемъ мѣстѣ». «Какъ и всегда на низахъ разыгрывается комедія человѣческой пошлости, а изъ ея отдѣльных актовъ слагается наверху трагедія великихъ событій. Сознаніе конечнаго смысла суммы бессмысленныхъ дѣяній даетъ бодрость и спокойствіе».

Но въ околотокъ, не смотря на всѣ настоянія, не шелъ и только хмурился больше и ворчалъ. Закутанный, иззябшій, чуть держащій въ рукахъ ружье, онъ дѣйствительно въ то время представлялъ собою *только* «часть живой стѣны». Но не переставалъ заботиться о другихъ. Писалъ письма въ Парижъ съ просьбой присылать «на всю братію»

всякихъ необходимыхъ вещей, посылать свѣдѣнія о раненыхъ, настаивая на помѣщеніи ихъ именъ въ газетахъ, отыскалъ среди волонтеровъ наиболѣе безпомощныхъ и молодыхъ и пригрѣвалъ ихъ своимъ участіемъ. И послѣ, когда группа разбилась по нѣсколькимъ полкамъ регулярной арміи, постоянно получались отъ него письма съ просьбой послать тому-то того-то, сдѣлать то-то и т. д. Особенно занятъ онъ былъ людьми простыми, людьми изъ народа, какъ покойный Ноховичъ, къ которымъ его влекло неискоренимое чувство настоящего народника. О себѣ же допускалъ заботы только по части ѣды. Какъ-то, видя больной, изнуренный видъ Степана Николаевича,—его лихорадило,—я захотѣлъ освободить его отъ службы. Онъ воспротивился изо всѣхъ силъ и пошелъ рыть траншеи, хотя совершенно естественно было бы остаться. И это вовсе не потому, чтобы онъ горѣлъ желаніемъ рыть, къ тому же абсолютно бесполезныя траншеи въ болотѣ, а просто не желалъ выдѣляться изъ общаго ряда.

Вопросы разыгравшейся въ «тылу» полемики по нашему адресу не очень-то смущали насъ подъ шрапнелями и «чемоданами», но все же въ часы отдыха имъ удѣляли нѣкоторое вниманіе.

На первую сдержанную атаку нашихъ противниковъ Степанъ Николаевичъ отозвался такъ:

«До сихъ поръ мы не сомнѣваемся въ правильности избраннаго нами пути. Не мудрствуя лукаво, мы прежде всего платимъ пріютившей насъ странѣ за гостепріимство; второе,—не допускаемъ въ страну чужеземнаго вторженія. Это элементарно, и напрасно стали бы опровергать это разныя «Мысли». Другое дѣло: «Не забывайте, что все остается по-старому». На это скажу: не только не забываемъ, но здѣсь на мѣстѣ суровая дѣйствительность ежечасно напоминаетъ намъ, что даже при наличныхъ условіяхъ существуютъ касты и клас-

сы, и едва ли, уцѣлѣвъ здѣсь, мы превратимся въ сторонниковъ мирнаго сотрудничества классовъ...

«... Очень я доволенъ, что состою рядовымъ и живу его жизнью. Всегдашняя моя мечта была попасть въ рядовое положеніе и жить, какъ и всѣ прочіе. И потомъ: здѣсь много глупостей, но все-таки мы не играемъ въ солдатики, а настоящимъ образомъ грудью задерживаемъ нѣмца».

Но зато Степанъ Николаевичъ очень былъ чутокъ къ вѣстямъ изъ Россіи. Съ какою любовью онъ перечитывалъ открытку Осипа Соломоновича Минора, одобряющую волонтерство, и письма другихъ русскихъ товарищей...

Зима крѣпчала, и все труднѣй и труднѣй становились условія жизни. Надо сказать, что среди группы «республиканцевъ», дошедшихъ до линіи огня, было нѣсколько товарищей пожилыхъ и нездоровыхъ. Всѣ они, какъ, напр., Д...въ, или Ю...шъ, или Гр...нъ, и нѣкоторые другіе, несли службу съ изумительною настойчивостью; нечего говорить, что съ ихъ здоровьемъ солдаты отправляются въ тылъ тысячами.

Курьезнѣе всего, что отсылавшіе Слетова вовсе не имѣли въ виду по отношенію къ нему сквернаго намѣренія: наоборотъ, его отсылали, воспользовавшись случаемъ, чтобы облегчить отъ тяжестей фронта почтеннаго человѣка!.. Конечно, не объяснивъ при этомъ мотивовъ. Вся разыгравшаяся тяжелая и глупая исторія страшно взволновала, какъ совершенно незаслуженное оскорбленіе, волонтеровъ. Но и здѣсь, протестуя противъ учиненной несправедливости всей

душой, отыскивая всяческіе способы для возстановленія истины, Степанъ Николаевичъ протестовалъ въ то же время противъ шаговъ, могущихъ отвлечь отъ исполненія разъ поставленной волонтерами цѣли. Впрочемъ, все обошлось благополучно. Волонтеры, отосланные съ фронта, произвели самое прекрасное впечатлѣніе не только на низшее начальство, но и на командира депо и командира корпуса, нынѣ умершаго генерала де-Форжа, даваго о нихъ министерству самый лестный отзывъ. Дисциплинированность и добрая воля выдѣляли ихъ съ перваго же взгляда изъ общаго числа. Вскорѣ по прибытіи въ депо они допрашивались французскимъ офицеромъ. Разговоръ съ нимъ такъ описанъ Степаномъ Николаевичемъ.

«Мой личный разговоръ съ капитаномъ:

«1. Почему вернулся?—Je n'en sais rien.

«2. Былъ ли наказанъ?—Никогда и ни въ какой мѣрѣ.

«3. Чѣмъ занимались en civil?—Journaliste.

«4. Будешь отправленъ на фронтъ.—Въ вашемъ распоряженіи».

Несмотря на обиду, на обстановку, вовсе не располагающую къ продолженію службы, волонтеры, какъ одинъ человекъ, заявили о своемъ желаніи отправиться на фронтъ, *но только не въ легіонъ*. Впрочемъ и начальство поняло необходимость перемѣны полка.

Долженъ сказать, что въ новыхъ обстоятельствахъ передъ всѣми товарищами со слабымъ здоровьемъ встала возможность вполне естественной и законной «реформы». За исключеніемъ двухъ-трехъ, которые были абсолютно не въ силахъ продолжать военной службы, всѣ прочіе отказались. Въ числѣ ихъ былъ и Степанъ Николаевичъ. На мои настоянія онъ отвѣтилъ:

«Мнѣ трудно, это правда. Но вопросъ не только въ моихъ силахъ, а въ той реальной пользѣ для арміи, которую представляетъ мое пребываніе въ ея рядахъ.

Я одинъ изъ видныхъ народниковъ, пошедшихъ въ волонтеры, и, помимо всего прочаго, я долженъ остаться на посту до конца...»

Начались скучные, безконечные дни въ депо. Въ принципъ было рѣшено, что отосланную группу разобьютъ по полкамъ арміи генерала Саррая (Sarrail), но, пока что, ученья, наряды въ карауль и бездѣльничанье. Волонтеры, вернушіеся съ фронта настоящими «пуалю», томились отъ безсмысленной казарменной жизни, которая была имъ чужда психологически.

Въ такой атмосферѣ вынужденнаго безцѣльнаго времяпрепровожденія между волонтерами не разъ поднимались по старой эмигрантской привычкѣ «бури въ стаканѣ воды», портились отношенія, накоплялось взаимное недовольство и раздраженіе. Всѣ эти пустяки человѣку, стоявшему поверхъ и въ сторонѣ, казались никчемными; волонтеры, дружно шедшіе въ бой и на смерть и vzdоряшіе изъ-за выѣденнаго яйца (къ тому же и не на теоретической почвѣ), представлялись бородами взрослыми дѣтьми, хорошими, но безтолковыми; но человѣку, живущему ихъ жизнью, подчасъ было не легко.

«Пищу вамъ на этомъ противномъ листочкѣ, сидя въ не менѣе противномъ солдатскомъ кабачкѣ и запивая еще болѣе противнымъ café-cognac. Ужась, какъ скучно. Кормятъ завтраками. Поманили было въ Дарданеллы,—и ничего. Холодно въ нашей ночлежкѣ, холодно и скучно. А тутъ еще не пощадили моихъ сѣдинъ и вздумали прививать тифъ. Лихорадить. Богъ съ нимъ, съ ихнимъ тифомъ: все равно придется прожить до 72 лѣтъ... Прямо бѣда, а ничего не подѣлаешь. И никого-никогошеньки нѣтъ. Даже обидно. Всѣ, за многими исключеніями, меня любятъ и еще больше, несмотря на все безпутство, уважаютъ, а въ сущности тепла-то и нѣтъ. Холодно, очень холодно. Знобитъ и знобитъ. А согрѣться негдѣ...»

Въ этомъ прелестномъ отрывкѣ выглянула интимная печаль бойца, прошедшаго хотя и любимымъ, хотя и уважаемымъ сквозь богатую и бурную жизнь, но прошедшаго *одинокимъ*. Впрочемъ, это на минуту. «Лично,—пишетъ онъ,—я на судьбу свою не жалуюсь. Плыву по теченію своей жизни и, какъ будто, не сворачиваю, куда не надо; иной разъ, правда, застаиваешься въ попутномъ болотѣ, но загниваешь не до корней...»

Какъ бы вынужденный отдыхъ ни претилъ, это все же былъ настоящій длительный физическій отдыхъ. Публика здоровѣла, ведя правильный образъ жизни, оставаясь почти цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ. Здоровѣлъ и Степанъ Николаевичъ. Какъ-то выпрямился, подался грудью впередъ. Вся фигура стала ловчѣе. Приѣзжая въ отпускъ въ Парижъ, онъ удивлялъ друзей своимъ поправившимся видомъ. Мелочь обыденной жизни казармы оставалась позади, и въ Парижъ являлся бодрый, веселый человѣкъ, сознающій, что онъ дѣлаетъ именно то, что нужно.

Помню, разъ въ столовкѣ маленькая дѣвочка О... сказала съ искреннимъ удивленіемъ:

«Это Степанъ Николаевичъ? Какъ онъ выросъ! Я его не узнала...»

Къ своему военному служенію, несмотря на временную заминку, Слетовъ относился съ тѣмъ же уваженіемъ, что и вначалѣ, и писалъ:

«Сознаюсь, солдатъ я плохой, но, думаю, и въ качествѣ такового не погрѣшу противъ духа свята тѣмъ смертнымъ грѣхомъ, который не прощается,—хулой на дѣло, которому служишь».

А въ моментъ призыва въ 1915 г. русскихъ подданныхъ изъ-за границы, говорилъ:

«Я счастливъ, что на мнѣ эти *добровольно* надѣтые штаны, что я участникъ, *добровольный* участникъ защиты страны...»

Впрочемъ, въ это время Степанъ Николаевичъ совершенно зря называлъ себя плохимъ солдатомъ. Всѣ отосланные волонтеры, и онъ въ томъ числѣ, по отзыву ихъ начальства, превратились въ прекрасныхъ строевиковъ. Онъ и самъ сознаетъ это. «По части строя мы собаку съѣли,—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—картошку чистить и то въ ногу ходимъ; стрѣляемъ выше средняго и безконечно лучше прочихъ».

Передъ отъѣздомъ на фронтъ большая часть товарищей, и Степанъ Николаевичъ тоже, была произведена въ солдаты перваго класса. На фронтѣ многіе были произведены въ капралы, получили военные кресты, и всюду ими были довольны, какъ лучшими солдатами.

Одновременно Степанъ Николаевичъ начинаетъ обращать серьезное вниманіе на обоснованіе волонтерской позиціи. Ему и вначалѣ было не безразлично, въ какомъ свѣтѣ выставятъ нашъ шагъ.

Но, будучи, какъ и всѣ добровольцы его партіи, принципиальнымъ противникомъ навязыванія своего поступка, какъ непогрѣшимаго правила поведенія, онъ не считалъ нужнымъ дѣлать какихъ-либо ангажирующихъ партію декларацій. Такъ обстояло дѣло вначалѣ. Но потомъ... у всѣхъ еще на глазахъ кампанія, открытая противъ волонтерства, и объясненіе, даваемое нашими *противниками* волонтерству. И въ числѣ лицъ, полагавшихъ, что необходимо, разъ дѣло приняло такой оборотъ, выступить съ принципиальнымъ обоснованіемъ добровольчества, былъ Степанъ Николаевичъ. Его статьи въ «Новостяхъ» и въ «За рубежомъ» у всѣхъ въ памяти. На многихъ изъ волонтеровъ онѣ произвели прямо-таки потрясающее впечатлѣніе.

«Читалъ статью Слетова въ «Новостяхъ»,—пишетъ одинъ изъ нихъ.—Дивная статья и по аргументамъ и по всему тону и духу. Отъ нея пахло чѣмъ-то безконечно святымъ, чистымъ, близкимъ».

Но вначалѣ онѣ больше помогаль своими совѣтами и мнѣніями. Слетовъ придаваль большое значеніе тому, чтобы нашъ шагъ не пропаль, не затерялся для русскихъ массъ. Онѣ тщательно собираль матеріалы, снабжалъ ими друзей, пишущихъ въ Россію, и самъ собирался дать рядъ очерковъ и воспоминаній въ русскіе журналы.

Но въ тылу ему не писалось, все по той же причинѣ вынужденнаго казарменнаго житья, вызывавшаго невольное раздраженіе, мѣшавшаго сосредоточиться, уйти въ себя. Однако, и здѣсь у него, какъ и у всѣхъ, были хорошіе моменты, особенно, когда что-нибудь напоминало ему далекую родину.

«А вотъ сегодня,—пишетъ онѣ по поводу внезапнаго апрѣльскаго снѣга,—зима застала насъ на маршѣ въ лѣсу: снѣгъ, настоящій снѣгъ, почти - что метель... Хорошіе, мягкіе, ласковые хлопья... Побѣлѣло, похорошѣло, посвѣжѣло... Кусты безлистные размахровились снѣжными звѣздинками, а сосны прикрылись бѣличьимъ мѣхомъ... Рассея, да и кончено. И бѣло стало на душѣ, и свѣжо на сердцѣ... И публика запрыгала. Снѣжки... Слѣпили Вильгельма въ каскѣ... Кофе варили подѣ лѣсомъ на кострѣ. Славно сыграли въ солдатики... А домой пришли, холодно въ сараѣ, ноги ноютъ, мерзнутъ проклятыя. Публика злится, грызется изъ-за выѣденнаго яйца... Тѣфу ты, пропасть...»

Приведу еще одно письмо, въ высшей степени характерное для Степана Николаевича.

«... Изъ всѣхъ изображеній Христа трогаетъ меня за живое только «Христосъ въ пустынѣ» Крамского... Сидитъ и думаетъ, думаетъ крѣпко, и знаетъ: ничего тутъ не подѣлаешь, и оплюютъ, и предадутъ, и распнутъ, и все-таки надо итти, нельзя не итти, потому что иначе приходится отдаться во власть дьявола... И есть за крѣпкой и мрачной думой неисчерпаемый запасъ

любви и нѣжности къ людямъ, и нельзя эту нѣжность выявить иначе, какъ отдавши ее на оплеваніе, на публичное проклятіе.

«Пасху люблю. Иллюзія побѣды радости надъ скорбью. Осмысливаніе всего, что было раньше. Вскрытіе смысла зимней смерти... Но здѣсь Пасха невеселая, будничная, сѣренькая, ничего весенняго...»

И вотъ, наконецъ, долгожданное сбылось. Въ концѣ апрѣля отосланныхъ съ фронта и вполне реабилитированныхъ «республиканцевъ» разбиваютъ небольшими группами по полкамъ регулярной арміи. Слетовъ вмѣстѣ съ пятью товарищами попадаетъ въ пѣхотный линейный полкъ, депо котораго въ Melun. Новое депо раскрываетъ имъ глаза на настоящую французскую армію, которой они до сихъ поръ не знали. «Отношеніе къ намъ,—пишетъ онъ,—предупредительное и прекрасное, солдаты—славный народъ, начальство любить солдатъ и ладить съ ними». То же самое пишутъ и волонтеры остальныхъ группъ. Изъ Melun онъ передъ отъѣздомъ на фронтъ пріѣзжалъ въ отпускъ въ Парижъ. Былъ безконечно бодръ и веселъ... Дурной сонъ безтолковаго житія въ легіонѣ и депо прошелъ... Впереди стояло то дѣло, которое онъ считалъ полезнымъ. И это настроеніе онъ сохранилъ до послѣдняго дня своей жизни.

«Въ дорогѣ, 1-го мая 1915 г.,—гласила его открытка.—Поздравляемъ 1-го мая. Погода великолѣпная, настроеніе солнечное...»

... Онъ и его товарищи снова составляютъ «частицу живой стѣны» и въ какомъ мѣстѣ! Въ Аргоннахъ, въ арміи, защищающей Верденъ отъ упорнаго, непрерывнаго натиска кронпринца, въ продолженіе года стремящегося во что бы то ни стало пробиться къ крѣпости. Два многострадалыхъ мѣста—Изеръ и Аргонны—съ той только разницей, что послѣднее не знаетъ ни минуты

покоя. Судьба бросила ихъ въ самый горячій пунктъ Аргоннъ, въ Вокуа... Вокуа, уже ставшее вмѣстѣ съ Диксмюде, съ Фонтенелью, Гартмансвейлеркопфомъ, bois le Prêtre и нѣсколькими другими мѣстностями легендарнымъ. Именно ихъ полкъ и отличился взятіемъ Вокуа.

Я забылъ сказать, что когда пришла пора разставаться, волонтеры, перенесшіе вмѣстѣ легіонныя тяготы, «простились,—говоря словами Степана Николаевича,—чрезвычайно трогательно». Все наносное и мелкое скучной, будничной жизни уступило мѣсто тому большому и прекрасному, что ихъ связало вмѣстѣ и бросило въ одномъ общемъ порывѣ въ самый критическій, самый отвѣтственный моментъ жизни. И письма, и воспоминанія ихъ другъ о другѣ проникнуты той высокою степенью уваженія, которую можно заслужить только при серьезномъ исполненіи тяжелаго долга.

На фронтѣ Степанъ Николаевичъ попадаетъ въ близкую ему по духу среду,—въ народную. «Много рабочихъ,—пишетъ онъ,—и среди нихъ есть довольно симпатичные и серьезные unifiés. «Сознательные»,—а ихъ здѣсь порядочно,—народъ славный. Озлобленія ожесточеннаго противъ бошей не замѣчаю. Нелюбовь, и большая, есть. Извиняютъ народъ и валять на кайзера... Отношеніе къ войнѣ: скорѣе бы кончилась, но мира во что бы то ни стало не хотятъ».

Офицерами онъ тоже доволенъ: нѣтъ никакого сравненія съ легіономъ. «Солдаты—народъ весьма милый,—работіе, крестьяне. Отношенія gradés съ солдатами безъ примѣси того лакейскаго хамства, какое было въ легіонѣ; трех- и пятибуквенныхъ словъ почти не слышишь, къ намъ отношеніе простое, но вмѣстѣ, какъ къ пріятнымъ гостямъ».

Онъ тщательно описываетъ порядокъ дня на новой позиціи. Масса работы очень близко отъ нѣмцевъ, по-

стоянная бомбардировка, много убитыхъ. «Какъ видите, довольно жарко и тяжело».

Среди этой жары и тяготы Степанъ Николаевичъ живетъ полной и дѣятельной жизнью. Онъ не только слѣдитъ весьма пристально за развертывающимися въ его секторѣ событіями, онъ очень много пишетъ, откликается на всѣ вопросы. Его статьи пишутся съ лихорадочной поспѣшностью подъ непрестанную канонаду; его очаровательныя письма носятъ отпечатокъ огромной бодрости. «Онъ былъ въ послѣдніе дни мягокъ и общителенъ. Словно навсегда пропала въ немъ эта ворчливая суровость, такъ присущая ему всегда...» И здѣсь въ послѣдніе дни онъ заботился о товарищахъ. Писалъ просьбы о тѣхъ, кому никто не помогалъ. Заботился и пригрѣвалъ простого русскаго солдата Ноховича, взятаго въ свою среду пятью интеллигентами-народниками. Смерть Ноховича поразила его. Степанъ Николаевичъ инстинктивно, народнически не искалъ своихъ героевъ среди сильныхъ міра сего. Его героемъ была «сознательная», но сѣрая солдатская масса. И яркіе самородки, въ родѣ убитаго, привлекали его къ себѣ неотразимо. Памяти Ноховича онъ посвятилъ нѣсколько проникнутыхъ глубокою любовью и уваженіемъ писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже напечатаны.

Не было въ немъ ненависти къ врагу,—къ сѣрой германской солдатской массѣ. Но всѣ слова и фразы о любви,—проповѣдь любви тѣмъ, кто во имя этой любви клалъ животъ свой,—вызывали въ немъ горячій отпоръ. Этой проповѣди посвящена одна изъ его послѣднихъ замѣтокъ, случайно не напечатанная въ «Новостяхъ».

«Надъ моей головой рвутся мармитки, а я мечтаю... о конференціи мира и любви...», пишетъ И. Р....й, одинъ изъ волонтеровъ («Жизнь» № 46). Не знаю, что хотѣлъ сказать этими словами корреспондентъ Р....й, но сама

«Жизнь» выводитъ изъ нихъ такую мораль: и сколько ихъ тамъ, на фронтѣ, измученныхъ и изстрадавшихся, мечтающихъ о любви и мирѣ...

«Съ любовью отмѣчать малѣйшее проявленіе этихъ новыхъ чувствъ, итти навстрѣчу имъ, стремясь объединить и организовать ихъ проявленіе, связать ихъ съ общей работой партіи—вотъ задача тѣхъ, кто любить свой народъ, кто вѣрить въ его творческія силы».

«Съ любовью», «любви», «любить»—слишкомъ много словъ любви...

«Какъ будто нужно было пойти въ волонтеры, измучиться и изстрадаться на фронтѣ, чтобы возненавидѣть войну! Какъ будто много людей шло на войну, какъ на праздникъ, не подозрѣвая, что тамъ рвутся мармитки! Какъ будто многимъ была чужда любовь къ миру, и только теперь появилось у нихъ это новое чувство! Старая исторія... Л. Н. Толстой со всей силой своего слова, со всей страстностью своего убѣжденія провозгласилъ:

«Не убій. Не противься злу насиліемъ, и зло исчезнетъ».

«Но и въ устахъ Толстого этотъ призывъ звучалъ не всегда искренно. Пусть же И. Р...й продолжаетъ дѣлать свои открытія новыхъ чувствъ, пусть мечтаютъ на фронтѣ, а въ тылу созываютъ конференціи любви и мира,—мармитки отъ этого рваться не перестанутъ...»

Но если эта замѣтка проникнута горечью и ироніей по отношенію къ призыву «организовать» на французскомъ фронтѣ «проявленія новыхъ чувствъ любви и связать ихъ съ общей работой партіи», то какимъ горячимъ чувствомъ проникнута его посмертная статья «Наши пути»,—отвѣтъ на статью Ек. Арборе («За рубежомъ», № 2).

«Задѣла меня статья Ек. Арборе,—пишетъ онъ 2-го іюня,—... но по искренности чувства заслуживаетъ

искренняго и уважительнаго отвѣта. Если успѣю, попытаюсь, въ формѣ открытаго письма...» Онъ успѣлъ и въ лихорадочномъ напряженіи создалъ эту удивительную статью, свою лебединую пѣсню...

Въ томъ же письмѣ онъ дѣлаетъ свое духовное завѣщаніе. Остающееся послѣ него литературное наслѣдство распредѣляетъ такъ, чтобы то дѣло, которому онъ служилъ всю свою сознательную жизнь, было освѣщено съ помощью имъ пережитаго опыта...

Что сказать о той сторонѣ его характера, которая въ просторѣчи называется воинской доблестью? Миѣ кажется, что слова «храбрость», «трусость» въ приложеніи къ нему были пустыя слова... Онъ равнодушенъ былъ къ мармиткамъ и пулямъ, равнодушенъ, какъ человѣкъ, прошедшій на своемъ вѣку сквозъ тысячи возможностей смерти, какъ человѣкъ, давнымъ-давно поднявшійся надъ всякимъ страхомъ...

Безъ ненависти пошедшій «частицей живой стѣны» на страшную войну, часто хмурый, суровый, онъ похожъ на нарисованный имъ образъ: «И есть за крѣпкой и мрачной думой неисчерпаемый запасъ любви и нѣжности къ людямъ...»,—настоящей любви къ настоящимъ людямъ, такимъ, какіе они есть, съ ихъ пороками и недостатками.

Черезъ три дня его не стало. Умеръ онъ, сраженный мгновенно одной изъ тѣхъ самыхъ мармитокъ, о которыхъ писалъ его товарищъ. «Лицо хранило спокойное, словно молодежавое выраженіе». «Онъ умеръ свѣтлой смертью», писалъ другой волонтеръ. Не стало и его мечтавшаго о конференціи мира соратника... Изъ маленькой группы шести человѣкъ въ суровыхъ Аргоннахъ осталось только трое.

«Очень доволенъ, что состою рядовымъ и живу его жизнью. Всегдашняя моя мечта была попасть въ рядовое положеніе и жить, какъ и всѣ прочіе»...—писалъ Сте-

панъ Николаевичъ вначалѣ изъ краонельскихъ траншей. И не только прожилъ онъ солдатомъ, «какъ всѣ прочіе», но и умеръ общей смертью. Одна и та же шрапнель убила нѣсколькихъ человѣкъ и вмѣстѣ ихъ всѣхъ схоронили...

«Помогавшій намъ въ розыскѣ могилы Степана Николаевича сержантъ нашелъ могилу «14 incognus». По объясненіямъ санитаровъ, это—14 труповъ, подобранныхъ въ нашихъ траншеяхъ на другой день послѣ той несчастной попытки на атаку, въ которой убить Степанъ Николаевичъ. Дальнѣйшими разспросами установили, что «пожилой блондинъ съ маленькой бородкой, въ очкахъ» лежитъ вторымъ отъ опушки лѣса. Безусловной увѣренности, что именно тутъ находится прахъ Степана Николаевича, у меня нѣтъ; но все-таки поставили на этомъ мѣстѣ крестъ съ его именемъ. Это,—если встать лицомъ къ нѣмецкимъ траншеямъ,—влѣво отъ Вокуа, метрахъ въ 800 по дорогѣ на «Баррикады», на опушкѣ лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги на лѣвой сторонѣ...»

По той же дорогѣ и могилы его товарищей, Ноховича и Померанцева...

